

Концептуализация понятия «практики» в социальных науках

*Калдыбаева Ольга Владимировна
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, кафедра социологии
PhD социологии, старший преподаватель*

В последнее время в социальных науках наблюдается все возрастающий интерес к социологии повседневности. Интерес к повседневности возрождается и проявляется в обособлении мира обыденных рутинных действий в самостоятельную область исследований. При этом понятие «практики» занимает все более заметное место в современной социологии. Поэтому предмет настоящей статьи составляет обзор идей концептуализации понятия «практики» как в классических, так и в современных социальных науках.

Впервые предметом философского осмысления практический акт становится в работах Д.Юма. В повседневной жизни, по Д.Юму, элементарные нерелексивные действия (привычка или обычай) с успехом замещают логические и моральные обоснования, привлекаемые для объяснения человеческого поведения. Привычка поступать определенным образом служит достаточным основанием для последующих действий. Д.Юм пишет, что привычка представляет собой корень разума, его первооснование. В данном отношении привычка до-разумна и потому изначальна, «природна». Привычка есть не что иное как один из принципов природы, и всей своей силой она обязана этому происхождению[1, 5].

Такая концептуализация практического действия, понимание его как действия по привычке обладает двумя отличительными чертами. Во-первых, практическое действие является доминирующим в мире обыденной, повседневной жизни и тем самым скрепляет фундаментальный уровень совместного существования людей. Именно на этом фундаменте выстраивается здание общественных институтов. Во-вторых, практическое действие принципиально отличается от действий релексивных, осмысленных, продиктованных разумом или долгом.

Таким образом, мы видим, что уже на самом раннем этапе философской концептуализации понятия практики мы обнаруживаем те черты, которые затем стали предметом социологии. Практическое действие объявляется доминирующей формой существования в мире повседневности и противопоставляется действию релексивному, объективно осмысленному.

По мнению исследователей, помимо юмовской эмпирической философии к философским источникам теории практик можно отнести марксистскую концепцию «праксиса», неомарксистские ее варианты в работах А.Грамши, Д.Лукача, Ж.-П.Сартра, «Философские исследования» Л.Витгенштейна и ранние работы М.Хайдеггера.

По мнению исследователей, собственно социологической концептуализации понятия «практики» способствовали три современные

теории: структуралистский конструктивизм П.Бурдьё, теория структуризации Э.Гидденса и этнометодология Г.Гарфинкеля.

Собственно социологический этап концептуализации понятия практики начинается в 70-е гг. двадцатого века. Наибольшее влияние на социологическую теорию оказали две работы: «Набросок теории практики» П.Бурдьё, опубликованная в 1972 г., и «Интерпретация культур» К.Гирца, вышедшая в 1973 г. По мнению современных исследователей, оба этих текста являются скорее социально-антропологическими, чем социологическими, так как своими корнями они уходят в опыт анализа и интерпретации полевых антропологических исследований. Однако благодаря им понятие практики выходит на первый план социологического теоретизирования.

Отправной точкой концепции практик П.Бурдьё является стремление снять дихотомию субъективизма/объективизма. П.Бурдьё трансформирует понятие «практика» в универсальную объяснительную категорию. В итоге, не только социология повседневности объявляется практико-ориентированной, но и вся социология становится наукой о практиках, к которым могут быть редуцированы более сложные социальные феномены. [2, 548].

Согласно П.Бурдьё, практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. С практикой агент либо сталкивается и тогда это практика другого, либо овнешняет ее – и тогда это собственная практика агента. То, что практика производится агентом в рамках объективных и субъективных структур, означает, что она всегда чем-то обусловлена, от чего-то зависит, вытекает из другого, а ее условия и предпосылки практики являются ее же атрибутами, поскольку формируют ситуацию, в которой практика творится агентом. [2, 550]. В зависимости от занимаемой социальной позиции, агенты по-разному воспринимают и оценивают состояние социального мира, поэтому склонны производить разные практики.

В работе П. Бурдьё «Практический смысл» автор, используя данные антропологических исследований, анализ структур родства, а также аппарат статистики, критически переосмыслил современные ему воззрения известных антропологов и лингвистов. П.Бурдьё пишет, что не бывает простых или элементарных практик. В практике всегда есть составляющие ее моменты, то есть переходящие друг в друга компоненты. Практика – это множество элементов, но не всегда они могут быть концептуализированы исследователем. В одной практике могут наличествовать моменты других, тех, что были произведены в иных условиях и т.д. Таким образом, несмотря на единичность практики, ее сингулярность в пространстве и времени, у нее может быть более или менее долгая история, указывающая на отношения с социальными структурами, понимаемыми как ее необходимые условия и предпосылки.

Позиция Э.Гидденса в отношении понятия практики сходна с позицией П.Бурдьё. Согласно Э.Гидденсу, предметом социальных наук являются не

опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени.

Если П.Бурдьё использует понятие «практики» для устранения дихотомии субъективного и объективного, то в теории структуризации Э.Гидденса «практика» служит скорее для преодоления оппозиции структуры и действия. Э.Гидденс замечает, что структура не является чем-то внешним по отношению к индивидам: будучи своего рода отпечатками в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее внутренней, нежели внешней по отношению к их деятельности.

Работа Э. Гидденса «Устроение общества» помогает в осмыслении трактовки практик в рамках теории структуризации. Основным элементом поведения, согласно автору, является общепринятая практика или рутина. Термин «повседневный» или «обыденный» у него точно отражает рутинный характер социальной жизни, продленной во времени и пространстве. Понятие рутинизации, закрепленное на уровне практического сознания, представляется Э.Гидденсу существенным с точки зрения теории структуризации. Согласно Э.Гидденсу, рутина обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества. [3, 111].

Однако критики теории структуризации (М.Бертильсон, И.Ф.Девятко, В.В.Волков, Н.А.Шматко) утверждают, что «практика» превратилась во всеохватное понятие с неопределенно широким концептуальным полем. Это приводит к тому, что «практика» перестает рассматриваться как атрибут повседневности и преобразуется в мета-категорию социологического исследования, следствием чего является деконтекстуализация повседневного действия.

Особое место в исследованиях практик занимают идеи Э.Дюркгейма. Э.Дюркгейм высказывался в пользу того, чтобы интерпретировать социологию как дисциплину, изначально основанную на идее конкретных практик. Э.Дюркгейм утверждал, что эмпирическая социология способна объяснить происхождение коллективных представлений и человеческого разума с помощью теории практики. Ключом к этому суждению является тезис о том, что представления находятся в особого рода каузальной зависимости от очевидно разыгрываемых практик.

В большинстве случаев в обсуждении практики, повседневной деятельности или культуры не проводится различия между верованиями и рассказами (нарративами). В работе «Элементарные формы религиозной жизни» Э.Дюркгейм утверждает, что любые коллективные представления возникают из практик, и даже приобретаемая ими впоследствии способность передавать значения при помощи символов всегда имеет основанием конкретные разыгрываемые практики. Иначе говоря, Э.Дюркгейм полагает, что изначальную реальность общества и культуры составляют не представления, понятия, верования и повествования. Генезис и

опознаваемость рассказов, мифов, представлений и понятий зависят от разыгрывания конкретных практик.

Таким образом, Дюркгеймовская теория практики составляет альтернативу современной тенденции к отождествлению социальных практик с верованиями и нарративами, а не с конкретными наблюдаемыми действиями. Э.Дюркгейм рассматривал практики как звуки и движения, а не верования. Согласно ему, именно звуки и движения порождают переживания, представления и верования, а не наоборот.

Используемый Э.Дюркгеймом язык описания практики все время отсылает к движениям и звукам и содержит слова, четко указывающие на конкретные действия: «практики», «общие действия», «действия», «движения», «жесты», «выкрики». Полагая, что без разыгрываемых практик нет понимания, Э.Дюркгейм также рассматривал их как необходимое моральное благо. Разыгрываемые практики являются социальными «фактами», на которых Э.Дюркгейм хотел возвести свою общую социологию и свою социологию морали.

Современное развитие теории практик обязано философии Л.Витгенштейна и идеям М.Хайдеггера. В отличие от Д.Юма, у которого привычка играла роль первопричины, имманентной самому действию, у Л.Витгенштейна практика или «форма жизни» задает условия осмысленности современного языка. Согласно Л.Витгенштейну, язык в действительности функционирует лишь на фоне всей совокупности практик, принятых в данной культуре. «Наиболее важные для нас аспекты вещей, - писал Л.Витгенштейн, - скрыты из-за своей простоты и повседневности. Их не замечают потому что они всегда перед глазами. Подлинные основания их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор, пока это не бросится ему в глаза». [4, 11].

Подход Л.Витгенштейна к исследованию практик получил название идеи фоновых практик. Идея различения фигуры и фона, лежащей в основе любого осмысленного зрительного восприятия, берет свое начало в гештальтпсихологии. Все, что воспринимается каким-либо осмысленным образом, воспринимается как фигура на фоне, причем это соотношение может меняться: то, что виделось как фигура, может вытесняться на задний план, становясь фоном и давая возможность выделиться другой фигуре. Фон функционирует как условие, придающее смысловую определенность фигуре. Таким образом, можно понимать фоновую практику как деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение. В повседневной жизни смысл высказываний доопределяется тем, что само в языке напрямую не представлено, но что является чем-то скрытым. Иными словами, понимание любого, даже самого элементарного высказывания всегда предполагает неявную отсылку к общедоступному массиву знаний о том, как «работает» данная культура. В рамках другой культуры высказывание будет понято по-другому или будет бессмысленно.

Если у Л.Витгенштейна фоновые практики имеют хаотический характер и поэтому не поддаются систематическому описанию, М.Хайдеггер

усматривает в них упорядоченность и согласованность, которые могут быть прояснены особым аналитическим методом. Идею М.Хайдеггера можно обозначить как идею о раскрывающем характере практик. Согласно М.Хайдеггеру, практики воспроизводят или «раскрывают» основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории. Согласно М.Хайдеггеру, усредненная повседневность имеет три основные характеристики: инструментальное или техническое снаряжение, совокупность навыков или целесообразная деятельность и идентичность того, кто вовлечен в деятельность. Общество же он представляет как множество раскрывающих пространств, характеризующихся этими тремя характеристиками. В каждом таком мире (медицины, политики и т.д.) раскрывается или практически интерпретируется то, как быть врачом или политиком. На фоне этих общих для каждой культуры практических навыков развиваются идеологии и ценности профессиональных и иных сообществ. Социальные изменения М.Хайдеггер в свою очередь понимает как изменения фоновых практик, сопровождающиеся появлением соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий.

Этнометодологические исследования берут в качестве основного объекта своего исследования повседневную практику в ином ее понимании – как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности. Исследования демонстрируют то, как умелые и взаимно согласованные действия участников «снимают» неопределенность и поддерживают существование объективных социальных институтов, поддающихся, вследствие этого, рациональному исследованию. В этом смысле, практики – это все то, что мы делаем.

Еще одна концепция практик зародилась в исторической социологии, сущность которой составляет описание практик интерпретации. В основном это исследование неявных правил или коллективных норм, по которым то ли иное «интерпретативное» или «научное» сообщество (ученые-экспериментаторы, литературные критики, юристы и т.д.) устанавливает «значимые факты», «смыслы текстов». Последняя концепция отличается стремлением подчеркнуть коллективный характер практик, определяющий нормы и ограничения индивидуального научного или литературного опыта.

Существуют и другие примеры исторических исследований, где основные социологические категории (общество, личность, индивид, социальная норма, класс) рассматриваются как исторически меняющиеся конфигурации повседневных практик. К ним можно отнести историю манер Ю.Элиаса, генеалогию наказания М.Фуко, историю практического генезиса английского рабочего класса Э.Томпсона, историю использования письма и чтения Р.Шартье, Н.Дэвис и П.Берка, историю способов интерпретации и литературных практик С.Гринблатта. [4, 20].

Таким образом, многочисленные концепты практик можно объединить их стремлением демонстрации некоторых вещей, кажущихся естественными, но на самом деле имеющих длительную и зачастую нелинейную историю

становления. К таким вещам можно отнести способности человека (например, рациональность, эстетическая способность), основные формы опыта (например, насилие, сумасшествие, познание, смерть), основные формы самосознания (например, личность, индивидуальность) и ставшие естественными основными культурными навыками (манеры поведения, разговорная речь, чтение).

Литература:

1. Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира. Диссертация на соискания уч. ст. к.с.н. М., 2007
2. Шматко Н.А. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл. СПб., Алетейя, 2001, С. 548-562
2. Гидденс Э. Устройство общества. М.: Академический проект, 2005
3. Волков В. О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования, 1997, №6, С. 9-24